

«Наряду с просвещенными народами Европы»

(Новые горизонты в русской культуре первой четверти XVIII в.)

В течение трех столетий не утихают споры о петровском времени, о путях развития русской нации и ее культуры после реформ Петра I. До сих пор не найдено согласия и в решении главного геополитического вопроса: является Россия Европой или Азией.

В начале XVIII века — разгадка глубинной сути новой европеизированной русской культуры, начало отчета времени нового мировосприятия, когда произошло разделение «небесного и земного» в общественном сознании.

В петровское время Россия вошла в число европейских народов, из которых была исключена в силу трагических исторических событий: татаро-монгольское нашествие на несколько столетий изолировало нашу страну.

В чем же состояли главные общественные чаяния в этот переломный исторический период? Для духа времени было характерно стремление «стать наряду с просвещенными народами Европы», отказавшись от национально-культурной ограниченности и реализовав свое универсалистское предназначение.

Уже в XVII веке постепенно наступает закат национального самовозвеличивания XV-XVI веков (Москва — «Третий Рим»). Наметился поворот национального самосознания от гордого притязания на первенство среди народов всего мира к пониманию, что старая Русь не образец, что идет новая Русь, с иным восприятием жизни, иными вкусами, иными людьми. Задачей русского общества стало преодоление культурной ограниченности, обусловленной недостатком знаний, исправление промахов прошлого и пополнение новыми знаниями — это

было жизненно необходимо для дальнейшего существования и развития страны. Исправлялись богослужебные книги и обряды, пересматривались многие стороны религиозной и общественной жизни, устраивались школы в западном духе, переводами иностранных сочинений обогащалась русская письменность. Начали вводиться некоторые западные формы жизни, западные развлечения и западные науки.

Москва накануне эпохи Петра I жила полнокровной светской литературной жизнью, в которой были все задатки дальнейшего литературного развития. Появились драматические и беллетристические произведения — совершенно новые жанры для русского читателя. О расширении познавательных потребностей русского человека свидетельствовало также появление многочисленных и разнообразных переводов по многим областям науки.

Что это был за процесс? «Возвращение в лоно» западноевропейской культуры? Или некий искус глубокой культуры Древней Руси чуждой по духу цивилизацией Запада?

Так или иначе, встреча России с западной культурой состоялась.

Петр I верно понял то движение общественной жизни, которое происходило в России в течение всего XVII века — а именно, переход русского народа из статичного состояния национальной самодостаточности в нацию, открытую для познания мира и своего места в нем; этому движению Петр I придал мощное ускорение.

Об этом писал Ф. М. Достоевский: «Через реформу Петра произошло расширение прежней же нашей идеи, русской московской идеи, получилось умножившееся и усиленное понимание ее: мы сознали тем самым всемирное назначение наше, личность и роль нашу в человечестве...»¹

Составная часть «народной субстанции» — православие, которое было, есть и будет одной из главных доминант русской жизни. Г. П. Федотов в работе «Национальное и вселенское» рассматривает «Житие Александра Невского». Этот памятник открывается величественной картиной образа русской земли, в которой дан ключ к религиозному смыслу национальной жизни: «О светлая и пресветлая русская земля и приукрашенная многими реками и различными птицами, и зверьми, и всякою различною тварью, потешая Бог человек и сотворил вся его ради на потеху и на потребу различных искусений человеческого ради естества, а потом подарова Господь православною верою, св. крещением, наполнив ю великими грады и дома церковными и насеяв ю боголюбивыми книгами, и показуя им путь спасения и радости всех святых»².

Здесь ясно обозначены три плана жизни русского народа. Внизу — природная тварная жизнь, прекрасная и благословенная Богом, физический субстрат народной жизни; наверху — «свет и радость всех святых», царство небесное, уже предлагающее все земные рубежи. Посредине же — «путь спасения», не личный, а всенародный путь, намеченный скупыми словами: «грады и дома... и книги».

Грады и книги — это путь светской культуры (которая со временем заменила веру): общественного богослужения, художественного творчества и мысли, хозяйства и политической организации, — все то, что

составляет глубинную и внешнюю, духовную и материальную часть нации. Это *средний путь спасения* и станет определяющим для дальнейшего развития нации.

Петр I «...постиг необходимость дать русскому сознанию свободу светского, исследовательского взирания на мир, с тем, чтобы сила русской веры установила в дальнейшем новый синтез между православным Христианством, с одной стороны, и светской цивилизацией и культурой — с другой стороны, — писал русский философ И. А. Ильин. — И вот небесное и земное разделились в русском самочувствии. Вместе с тем национальное отделилось от вероисповедно-церковного. Русское самочувствие проснуло ю роль в историософском противостоянии русской уходящей старины и пришло европейской культуры. Специфику древнерусской историософии определяло «православное время», которое складывалось из двух, находящихся в различных временных плоскостях, циклов: постоянного календарного — «богослужения времени», начинающегося 1 сентября, — и переменного, ориентированного на лунный календарь пасхального цикла.

Настоящее трактовалось в Древней Руси как эхо прошедшего — тех событий прошедшего, которые отождествлялись с вечностью. Церковный год, в отличие от года языческого, был не простым повторением, а именно отпечатком, «обновлением», эхом Священной истории. Это было движение не только вперед, но и вспять: сравнение с идеалом, который находился в вечности и в прошлом. По древнерусской историософии — не человек владеет историей, а история владеет человеком; следовательно, историческая дистанция события по отношению к настоящему несущественна.

Что пришло на смену древнерусской историософии?

В петровское время возрастает роль личности в истории, провозглашается идея единого мирового времени и пространства, упраздняется различие между вечностью и земным существованием. Историческое событие уже не зависит от Божественного Промысла, оно стало содержанием мгновения в бесконечном потоке времени. Для новой историософии история самоценна вне отношения к Богу, вечности и душе, она так же интересна, как интересен сам процесс творчества и познания; история — это память.

Переориентация мировосприятия на будущее особенно наглядна в изменении отношения к Страшному суду.

Для русского средневекового мировоззрения исход человеческой истории предопределен раз и навсегда: это — светопреставление, Страшный суд. Пророчество Апокалипсиса — «Се, гряду скоро, и возмездие Мое со Мною, чтобы воздать каждому по делам его» (Откр., 22; 12) — придавало особый смысл человеческой жизни: ожидалось не то, что наступит в будущем, а когда. Человек жил в ожидании Страшного суда и постоянно вычислял время его прихода. Таковые эсхатологические ожидания особенно были характерны для старообрядцев⁴. Для них время как бы остановилось: по Апокалипсису, «И клялся Живущим во веки веков, Который сотворил небо и все..., что времени уже не будет...» (Откр., 10; 6).

В европеизированной новой русской культуре идея Страшного суда преобразилась; «Страшный суд» стал чем-то бесконечно далеким, не учитываемом в исторических прогнозах. Исторический акцент переместился с вечности на землю.

Для ревнителей древнего благочестия новая историософия означала реально наступивший конец света. Верхи предлагали русским людям новое будущее (позже воплощенной в западной идее «прогресса»); но с точки зрения тех, кто не мог отрешиться от средневекового сознания, верхи как раз это будущее у них отнимали: обновление могло наступить, по Апокалипсису, только после Страшного суда, когда прежняя жизнь на земле, мирская и грешная, миновала: «И сказал Сидящий на престоле: се, творю все новое... жаждущему дам даром от источника воды живой» (Откр., 21; 5,6). Нельзя было обменять небесную «чистую реку воды жизни, светлую как кристалл, исходящую от Престола Бога и Ангца» (Откр., 22; 1), на «мутную воду» земного будущего.

Особенно обострилось эсхатологическое отчаяние в период петровских реформ. Постоянный поток изменений, ворвавшийся в относительно тихое течение русской жизни, как бы олицетворял идею быстротечности времени. Боязнь промедлить, не успеть, не совладать со временем придавала эпохе стремительность и динамизм, доселе невиданные. Возникла новая система культурных ценностей. Но сознание простого русского человека порой было просто не в состоянии справиться с непрерывными реформами.

Особенно ошеломили изменения календаря.

В середине декабря 1699 года (7208 год от сотворения мира по привычному для Руси счету) Петр издал указ о перемене календаря, о праздновании 1 января «нового года» и «столетнего века». Состоялся молебен в Успенском соборе, служил Стефан Яворский. Он прочитал проповедь о необходимости и пользе перемены летосчисления. Реакция традиционалистов была апокалиптическая, ведь прошло всего лишь четыре месяца с «новолетия» 1 сентября. Выходило, что Петр «убил» текущий год, посягнув на самое время. Но для Петра изменение календаря имело прямое отношение к европеизации Руси: российский календарь приводился в соответствие с западным; тем самым история России и Европы становилась единой во времени. Петр I ввел в русский обиход и аксиому «столетнего века» — это западное историософское понятие было для России чужим: оно ориентировало на неповторимость каждой эпохи, на секуляризацию, на динамичную светскую культуру, на будущее.

Перемены не могли не отразиться на национальном самосознании; оно раздвоилось. Русский народ отстал от высшего сословия, у которого расширился кругозор после знакомство с культурой Запада, со светскими знаниями. Верхи порывали со своим прошлым, они были захвачены переменами. Даже православие сменилось у них религиозным равнодушием или тяготением к протестантизму: культура стала заступать место веры. Другая часть нации переживала очевидный для всех закат Святой Руси как мучительную утрату, как национальную и личную катас-

трофу. Вытесненные новым государственным устройством патриархальная жизнь и культура были свято сохранены народом как единственно приемлемые для него: так же читалось Священное Писание, рассказывались сказки и былины, пелись песни, бережно сохранялся весь старинный уклад бытия — в чем духовно помогала православная вера. Приверженцы русской старины не могли понять, чем плох освященный временем старинный уклад, и посылали проклятья государству, как царству Антихриста. Они переживали свое время как время отступничества, отречения от завещанного предками, попрания веры отцов и т. п.

Петровская эпоха обострила это раздвоение национального самосознания (корни которого уходят в XVII век), оно особенно проявилось в противостоянии русской традиционной культуры (духовной) и новой европейской культуры (интеллектуальной). Это была коллизия интеллекта и духа: просветительство, «внешняя мудрость», упование на свой разум противостояли нравственному совершенствованию, «стяжанию Духа Святаго». Петровская эпоха — это эпоха глубокого культурного расслоения и соответственно культурного «двуязычия»: его знак — автономное существование кириллицы, оставленной для церковных книг, и гражданского шрифта, созданного для светских книг. В 1704 г. Петр ввел шрифт гражданской русской печати.

Традиционалисты (та часть общества, которая не желала порывать с традицией) пользовались языком православного средневековья в его национальном изводе. Приверженцы реформ этот язык понимали — они родились и выросли еще в Древней Руси, — но не признавали его, объявив устаревшим и негодным. Они учились языку европейской культуры, говорили на нем — хоть и с сильным русским акцентом.

Если весь XVII век русские писатели стремились возродить церковнославянское красноречие, которое в средневековье иерархически подчиняло себе русское «просторечие» (лишь Аввакум Петров сделал «просторечие» своим главным стилистическим принципом), то в Европе уже тогда наступила эпоха языков национальных, и этот путь был неизбежен для России. Его и санкционировал Петр I: ввел гражданский шрифт и рекомендовал писать «как в приказах», т. е. простой речью.

Духовное и эмоционально-психологическое ощущение раздвоения в русском обществе особенно обострилось, когда Петр стал последовательно проводить в жизнь идею полного подчинения церкви государству, строжайшего разделения светской и духовной власти. Тем самым в русской жизни на уровне государственной идеологии произошло разделение «небесного и земного», и было закреплено законодательно. В 1721 году Феофаном Прокоповичем был составлен (а царем отредактирован) «Духовный регламент», который гласил: «От соборного правления не опасится отечеству мятежей и смущения, яковые происходят от единого собственного правителя духовного. Ибо простой народ не ведает, како разнствует власть духовная от самодержавной, но великого высочайшего пастыря честию и славою удивляемый, помышляет, что таковой правитель есть то вторый государь, самодержу равносильный, или и больши его, и что духовный чин есть другое и лучшее государство»⁵.

Столь существенное изменение государственной идеологии не могло не отразиться на национальном самосознании, оно затронуло коренные и устоявшиеся понятия символов власти, их святость в религиозном мировосприятии русского народа.

Далее в 1721 году последовало учреждение Духовной коллегии и Святого Синода и упразднение патриаршества. В Петербурге ради утихомирения в связи с этим народного ропота было напечатано сочинение Феофана Прокоповича «О возношении имени патраршего в церковных молитвах, чего ради оно в России отставлено». Для оправдания упразднения патриаршества Феофан Прокопович в том же году написал еще и исторический трактат «С коего времени началось Патриаршеское Достоинство в Церкви, и каким образом 400 лет Церкви управляемы без Патриаршества и донныне некоторым не подлежат Вселенским Патриархам?» Этот трактат не был издан.

22 октября 1721 г. Петру от благодарных за мир после долгой войны соотечественников был поднесен титул Отца Отечества, Великого императора Всероссийского. «Единые вашим неусыпным трудом и руководством, — говорил в своей торжественной речи канцлер граф Гаврила Иванович Головкин, — мы, ваши верные подданные, из тьмы неведения на театр славы всего света и тако рещи из небытия в бытие произведены и в обществу политических народов присвокуплены». Петр отвечал: «Желаю весьма народу Российскому узнать истинное действие Божие к пользе нашей... Надлежит стараться о пользе общей, являемом Богом нам очевидно внутри и вне, от чего народ получит облегчение»⁶.

Россия стала империей. Тем самым было определено ее значимое место в мире. Формула «Москва — Третий Рим» получило новое воплощение. До тех пор в Европе давно ходили толки, что Петр стремится стать восточным римским императором — но Петр I стал *всероссийским* императором. В этом титуле национальная принадлежность ясно выявлена (в Европе только в XIX веке появились вместо Римской империи Французская, Австрийская, Германская).

Слова «Отец Отечества» на языке царя и его сподвижников означали: идеальный и просвещенный монарх, цивилизатор, опекун национальных усилий и национального творчества, спаситель Отечества, творец новой России (все эти эпитеты отчасти были заимствованы у Запада) — т. е. совсем другое, чем то, что привыкли понимать под этим словом традиционалисты. Именование государя «Отцом Отечества» могло быть близким и просвещенной части русского народа, ибо в целом находилось в русле традиционных высоких представлений о царе как о заступнике, защитнике народном, помазаннике Божьем, наместнике Бога на земле.

В проповеди 24 июля 1709 г. в киевской Софии Феофан Прокопович говорил Петру: «Вся твоя дела и деяния, пресветлейший монархо, давная воистину суть. Дивне презираеши светлость и веление царское, дивне толикие подъемлеши труды, дивне в различная себе вовергаеши беды и дивне от них смотрением Божиим спасаемься, дивне и гражд-

данския, и воинския законы и суды установил еси, дивне весь Российский род тако во всем изрядно обновил еси»⁷.

Эта характеристика Петра I как государя пока вполне в духе православной традиции. А в 1725 г. проповедник уже прямо говорил: «Винючник бесчисленных благополучий наших и радостей, воскресивший аки из мертвых Россию, и воздвигший в толикую силу и славу, или, паче, рождший и воспитавший, прямой сый Отечества своего Отец...»⁸

В похвальном слове Перу, превознося его заслуги перед Россией, Феофан Прокопович отождествляет расцвет российского государства и нации, подкрепляя свои слова чужеземными похвалами: «Слава всемирная есть достайная Петрова проповедница. То ему к вечному имени своему довольно, что в иноземных всех странах с великими похвалами возносим есть и без удивления не воспоминается. Где не скажут, что доселе Россия толикого государя не имела? Где не засвидетельствуют, что от него первого и единого тако славный везде и великоименитый показался народ российский?»⁹

В своих проповедях Феофан Прокопович не раз говорил об изменившемся международном статусе России благодаря Петру: «Который нас гнушались, яко грибух, ищут усердно братерства нашего; которые безчестили, славят; которые грозили, боятся и трепещут; которые презирали, служити нам не стыдятся; многие по Европе коронованные головы не точию в союз с Петром, монархом нашим, идут доброхотны, но и десная его величеству давати не имеют за безчестие; отменили мнения, отменили прежние свои о нас повести, затерли историйки своя древняя, инако и глаголати и писати начали»¹⁰.

Это новая черта в мировосприятии русского человека: после гордого сознания своего первенства среди народов всего мира — проповедник испытывает национальную гордость от признания России иноземцами.

Об этом свидетельствуют и другие проповеди петровского времени. Гавриил Бужинский, славя победы русской армии в Северной войне, отмечал, что России «...новые покоренные повинуются страны», а «его же <Петра> победительную десницу не токмо верные рабы, но и иностранные языцы с великим почитанием и сладостью лобызуют»¹¹.

«Велие несовершенство» Древней Руси в сопоставлении с новой Россией признал Стефан Яворский: «Нельзя было выглянути за государство и видети, что ся деет на свете. Вестей такожде никаких ниоткуда россияне не имеяху, поведений, нравов и обычаев в иных государствах политических отнюдь не знаяху. Тем же поношения и укоризны и досады многия от прочих государств терпяху, аки детища некия и отроки невежливые, которым разве то ведомо, что в дому деется. Ныне же радуйся и веселися, Россия, егде благоизволи Бог ключем Петровым отверзти тебе врата на видение света»¹². Стефан Яворский не был из числа преданных сторонников петровских реформ, но и он осознавал необходимость вхождения России в число европейских народов.

Старую и новую Россию в своих рассуждения сопоставляли не только духовные лица, но и приверженцы Петра I.

В программном правительственном документе «Рассуждения, какие

законные причины его царское величество Петр Первый к начатию войны против короле Карла 12 шведского в 1700 году имел», изданном в Санкт-Петербурге в 1717 г., П. Шафиров вначале отмечает, что «прежнюю Россию в число европейский народов мало причитали». Далее автор с удовлетворением констатирует: «Ныне никакое дело не чинится, к которому б или к его царскому величеству приязни и союзе не старались, или осторожности и опасности в противности от оного себе не имели»¹³. И. И. Неплюев в 1725 г. высоко оценил труды Петра: «Сей монарх отечество наше привел в сравнение с прочими; научил узнавать, что и мы люди, — одним словом, на что в России ни взгляни, все его началом имеет, и что бы вперед ни делалось, от сего источника черпать будут»¹⁴.

Все приведенные выше рассуждения духовных и светских деятелей об обновленной Петром России и русской нации свидетельствуют, что в первой четверти XVIII века зародилось новое национальное самосознание у той части русского общества, которая проявила явную приверженность к изменениям в духовной и бытовой культуре и экономике страны. Они испытывали чувство национальной гордости за все внутренние и внешние преобразовательные успехи Петра, который дал им историческую возможность не только приложить свои силы, умение и талант во благо России, но и *заново духовно родиться*. Для них открылись новые культурные горизонты, но, увлекшись ими, они не забывали о своих корнях, традициях. Они были преданы новой России и всему, что ее воплощало, заботились о ее европейском престиже. Характер и особенности национального самосознания именно этой части общества определяли в значительной степени жизненную активность русской нации в русской культуре, что воплотилось и получило завершение в течение последующих столетий.

Знаменательна для понимания нового русского мироощущения речь Петра I, произнесенная в Риге в 1714 г. при спуске нового корабля для русского флота. Это — просветительский манифест, в котором Государь, «Отец Отечества», обращается к своему народу, к своим сынам, в тот исторический момент, когда уходит в плаванье корабль новой российской истории.

«Кому из вас, братцы мои, хотя б во сне снилось лет тридцать назад, что мы с вами здесь, у Остзейского моря, будем плотничать, и в одеждах немцев, в завоеванном у них же нашими трудами и мужеством стране воздвигнем город, в котором вы живете; что мы доживем до того, что увидим таких храбрых и победоносных солдат и матросов Русской крови, таких сынов, побывавших в чужих странах и возвратившихся домой столь смышленными; что увидим у нас такое множество иноземных художников и ремесленников, доживем до того, что меня и вас станут так уважать чужестранные государи? Историки полагают колыбель всех знаний в Греции, откуда (по превратности времен) они были изгнаны, перешли в Италию, а потом распространились было и по всем европейским землям, но невежеством наших предков были приостановлены и не проникли далее Польши... Теперь очередь приходит до нас, если только вы поддержите меня в моих важных

предприятиях, будете слушаться без всяких оговорок и привыкнете свободно распознавать и изучать добро и зло. Указанное выше передвижение наук я приравниваю к обращению крови в человеческом теле, и сдаётся мне, что со временем они оставят теперешнее свое местопребывание в Англии, Франции и Германии, продержатся несколько веков у нас и затем снова возвратятся в истинное свое отечество в Грецию. Покамест советую вам помнить латинскую поговорку «Ora et labora» и твердо надеяться, что, может быть, еще на нашем веку вы пристыдите другие образованные страны и вознесете на высшую степень славу Русского имени»¹⁵.

Отблески этих гордых слов Петра мы видим и в пушкинских строфах:

Сей шкипер был тот шкипер славный,
Кем наша двинулась земля,
Кто придал мощно бег державный
Рулю родного корабля¹⁶.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. Т. 23. М., 1980.

² Федотов Г. П. Национальное и вселенское // О России и русской философской культуре. М., 1990. С. 446-447.

³ Ильин И. А. Наши задачи. Т. 1. М., 1992. С. 286-287.

⁴ См.: Гурьянова Н. С. Старообрядческие сочинения о Петре I — антихристе // Сибирское источниковедение и археография. Новосибирск, 1980.

⁵ Регламент, или Устав Духовной Коллегии. СПб., 1721. с. 18-19.

⁶ Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 6. № 3840. С. 444-446.

⁷ Феофан Прокопович. Сочинения. М.-Л., 1961. С. 36-37.

⁸ Там же. С. 126.

⁹ Там же. С. 142.

¹⁰ Там же. С. 46.

¹¹ Гавриил Бужинский. Полное собрание поучительных слов. М., 1784. С. 26, 35.

¹² Слова Стефана Яворского, митрополита рязанского и муромского // Труды Киевской Духовной Академии. 1875. № 1. С. 122.

¹³ Шафиров П. Рассуждение... СПб., 1717. С. 2.

¹⁴ Неплюев И. И. Записки И. И. Неплюева. СПб., 1893. С. 112.

¹⁵ Записки Вебера о Петре Великом и об его преобразованиях // Русский Архив. М., 1872. № 6. С. 1074-1075.

¹⁶ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. М., 1957. Т. 3. С. 199.